

Христос в трагические времена

ЭМИЛЬ ФУКС

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ (КВАКЕРОВ)

WWW.QUAKERS.RU

Христос в трагические времена

Эмиль Фукс

Christ in Catastrophe

Emil Fuchs

«Пендл Хилл Пабליкейшнз»
Уоллингфорд, Пенсильвания, США

Перевод Наталии Наказнюк

Редактирование Виталия Адаменко, Сергея Грушко и Натальи Журавенковой

И тогда сам Христос оказался в моей тюремной камере,
И сказал он «Блаженны нищие духом... Блаженны кроткие...
Блаженны миротворцы...» И услышал я вопрос: «Так ли это?»
И смог ответить, возрадовавшись и смиренно: «Да, так».

Эмиль Фукс

Предисловие

Эмиль Фукс, человек, прошедший через великие страдания, ходил и жил среди нас. Он говорил с нами с искренностью увидевшего Истину, услышавшего и почувствовавшего ее; и даже когда он говорил о бедах и трагедиях, лицо его оставалось безмятежным. Сейчас он вновь уехал работать в Европу, оставив нам это сочинение, посему мы сочли нужным сказать о нем несколько слов.

Мы видели его невысоким, круглолицым и седоволосым человеком с кротким изучающим взглядом. Он постоянно улыбался, и улыбка его была улыбкой ребенка, святого, человека, способного вынести жесткость окружающего мира, не теряя при этом собственную мягкость духа. Когда он читал нам лекции, всегда выделяя особо простоту и силу Истины, он говорил с таким накалом, что лицо его дрожало. В любое другое время он разделял наши духовные метания с подвижническим смирением и радовался нашему счастью. Он постоянно нес на себе печать Истины. Быть с ним рядом означало хотя бы частично испытать то, что испытал он. Фукс нашел нечто, столь огромное, что полностью посвятил себя этому. И некая частица того, что снизошло на Фукса, снисходила через его взгляд и голос и к тем, кто был вокруг него.

Эмиль Фукс родился в Германии в городе Берфельден в 1874 году. До 1918 года он был священником в разных местах, а с 1918 по 1921 год – в промышленном центре Эйзенах. После 1921 года он работал в тесном сотрудничестве с Социал-демократической партией, а также с группой, известной как религиозные социалисты. Он много путешествовал по Германии. В 1925 году Эмиль Фукс стал членом Общества Друзей (квакеров), а в 1931 году – профессором религиоведения в педагогическом колледже в Киле.

Вслед за этим наступило время великих страданий. Когда нацистская партия пришла к власти, Фукса уволили из колледжа в Киле. Вскоре после этого его посадили в тюрьму. После освобождения он попал под пристальное наблюдение Гестапо. Но до 1936 года ему вместе со своими сыновьями удавалось помогать спасению беженцев благодаря тому, что у Фукса было агентство по прокату автомобилей. В 1936 году эти автомобили были конфискованы. Его сыновья бежали из Германии. Дочь Эмиля Фукса, тонко чувствующая художница, посвятившая себя политике, помогла бежать своему мужу. Но она не знала, где он, что с ним, и как она вместе с маленьким сыном

могла бы соединиться с супругом. Она начала страдать от регулярно повторявшейся душевной болезни и, в конце концов погибла, бросившись под поезд.

Мы мало знаем обо всем этом, поскольку Эмиль Фукс многого не рассказывал. Из периода его жизни, прошедшего среди нас, мы знаем только, что иногда он просыпался посреди ночи, и в его мысли вторгались тревоги из прошлого. Тогда он вставал, в молчании сидел несколько часов, а утром приветствовал нас безмятежной улыбкой.

После года преподавания в колледже Пендл Хилл он вернулся в Германию, чтобы работать профессором этики и религии в университете Лейпцига. Сочинение, которое Эмиль Фукс оставил нам, рассказывает о его жизни и испытаниях в Германии. Одновременно это рассказ о жизни и опыте вообще. Это свидетельство равно как святого человека, так и пророка.

Одиннадцатый месяц (ноябрь) 1949 года, колледж Пендл Хилл (США)

Эмиль Фукс, 1952 год

Христос в трагические времена

На протяжении зимы 1932 года в Германии шла последняя суровая битва против растущей власти Гитлера, против обожествления нации и религии оружия. Становилось все опаснее и опаснее во всеуслышание говорить о свободе, мире и примирении. Никогда нельзя было знать заранее – не нападут ли на собрание штурмовики, и не подвергнутся ли дурному обращению выступающие и слушатели, вплоть до их убийства. Мы становились все более и более одинокими и разобщенными. Многие люди – главы церквей, профессора, учителя, пасторы – умолкали или переходили на сторону Гитлера, не осмеливаясь показать дружбу с теми, кто продолжал выступать против него. Друзья предупреждали нас. Президент нашей Академии в Киле сказал мне: «Пожалуйста, замолчи. Не читай больше публичных лекций. Тогда возможно, нам удастся спасти тебя».

Однако оставалась небольшая группа мужчин и женщин, которые понимали, что в этой борьбе решалась в какой-то мере судьба нации и даже больше – судьба всего человечества; что перед нами был поставлен решающий вопрос – станет ли наша нация оплотом мира в центре Европы или же снова распахнет двери войне и насилию. Распахнуть двери перед насилием – легко, но кто же тогда закроет их?

Гитлер пришел к власти в марте 1933 года, и началось правление ужаса. За три месяца несколько сотен тысяч человек были убиты, отправлены в концентрационные лагеря или же принуждены к бегству. Многие, сохранявшие до той поры твердость, прекратили сопротивление перед лицом опасности, возникновения которой они не могли себе даже представить в законопослушной Германии.

Меня уволили с профессорской должности в Киле и бросили в тюрьму. Мой младший сын скрывался, потому что студенты Киля грозили ему самосудом за то, что он был активным антифашистом. Моему старшему сыну и дочери угрожала серьезная опасность. Высокопоставленный чиновник Министерства образования в Берлине попытался соорудить для меня «золотой мост» к спасению, спросив, не собираюсь ли я узнать подробнее о национал-социализме и не собираюсь ли присоединиться к этому движению. Я ответил,

что моя позиция абсолютно прозрачна – для меня было бы совершенно невозможно примкнуть к нацистскому движению.

Те, кто попадали в лапы нацистов, подвергались жестокому обращению, так что я очень переживал. Однажды ночью я был близок к помешательству. Я видел своих жестоко убитых детей, распростертых передо мной. И в этот миг ужасного отчаяния я услышал голос, промолвивший: «Чего ты хочешь? Должны ли они спасти свои жизни, потеряв при этом совесть?» Я смог только ответить: «Они должны сохранить совесть». Мир снизошел на меня. С того самого момента я уже мог переносить те испытания, через которые пришлось пройти моим детям.

И тогда сам Христос оказался в моей тюремной камере, и сказал он «Блаженны нищие духом... Блаженны плачущие... Блаженны кроткие... Блаженны алчущие и жаждущие правды... Блаженны чистые сердцем... Блаженны миротворцы...» И услышал я вопрос: «Так ли это?» И смог ответить, возрадовавшись и смиренно: «Да, так».

Когда мы видим, как то, что нам кажется дурным и неверным, достигает большого успеха, когда мы видим, что миллионы людей и даже сотни наших знакомых поддерживают этот успех, нас мучает один ужасный горький вопрос: «Неужели ты один прав, а все остальные ошибаются?» Это ты сошел с ума, или они? Неужели правы те, кто утверждают, что в нашем грешном мире политик должен идти путем ловкачества и обмана, мошенничества и насилия?

Когда Гитлер начал добиваться успеха за успехом, даже мои друзья задавали мне этот вопрос. Его власть и сила росли с каждым годом. «Разве он не прав?» – говорили они. – «Разве не должен политик пользоваться такими приемами? Посмотри, как величайшие люди других наций склоняются перед ним». Снова и снова я повторял себе и тем, вопрошающим: «Как высока должна быть та башня, с которой нам придется падать?» То, что падать придется, было для меня совершенно очевидно с того момента, когда Христос вошел в мою камеру.

На протяжении бесконечных часов тревоги и страха единственной моей поддержкой и опорой оставалось присутствие со мной живого Христа. Я помню многие молчаливые собрания с друзьями и многие часы, проведенные в уединении, когда Божественное Присутствие укрепляло нас и придавало

бодрость и способность к постижению Истины и Смысла. А затем пришла беда. Моя старшая дочь, будучи не в силах вынести всего того, что выпало ей на долю за ее убеждения, умерла ужасной смертью, и в день ее похорон я вошел в часовню в полном помрачении духа. Но там мы ощутили, как волной вздымается присутствие Господа среди нас. Оно было настолько мощным, что это ощутили все присутствовавшие. Один неверующий национал-социалист сказал мне: «Что это? Именно сейчас я чувствую такую силу, какую никогда ранее не чувствовал за всю свою жизнь».

Было ли это простым человеческим воображением?

То, что я видел его и слышал его голос, могло быть моим воображением. Но нельзя назвать воображением ту новую жизнь, ту силу и пронизательность, которые дало его присутствие. Никакое простое воображение, никакое воздействие подсознания не могло дать отцу силы мужественно встретить опасность, которой подвергаются его дети. При этом оставаться уверенным в себе и быть преисполненным мира и покоя, потому что они шли по пути, подсказанном им их совестью. Никакое воображение не в силах было превзойти ту тьму, в которой живешь, когда с человеком, которого ты любишь, обращаются жестоко и насильно загоняют его в страх и отчаяние. У вас нет никакой надежды; вы должны оставаться только зрителем, наблюдающим за происходящим, в то время как ваш разум и вся жизнь ваша разрушены страданием. Ничто, порожденное исключительно воображением, не способно облегчить отвращение, вызванное бессмысленной жестокостью судьбы. Ничто, порожденное исключительно воображением, не может сотворить из отвращения мир - всепоглощающее осознание вечной любви, чьих путей вы не понимаете, но чью волю вы должны принять без понимания, зная, что это - реальность.

Я знаю, что в те ужасные часы я пережил реальность, подобную той, которую апостолы пережили во время воскресения; подобную той, что испытал Павел по дороге в Дамаск. Они видели и слышали его. Возможно, это было воображение, видение, галлюцинация. Но его суть, его реальность прикоснулась к ним и превратилась обновленную силу в них. Столь убедительной была эта реальность, что они провозгласили его послание во

всеуслышание, не только без той боязни, которая сдерживала их, но и с такой силой, что они смогли донести ощущение этой реальности до других людей.

Я полагаю, что мы, те, кому пришлось пройти через ужасные времена великой катастрофы в изменяющемся мире, также обрели милость от Бога, посредством которой он снова дает нам возможность ясно видеть свою реальность, яснее, нежели поколениям, жившим до нас. И снова истиной звучат слова Послания Иоанна: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами... возвещаем вам».

С совершенно иного начала, с начала Гитлера, я чувствовал, что в нацизме действовал отнюдь не дух Христа, а дух богохульства. Я выступал против этого, и теперь у меня появились убежденность и непоколебимый мир в присутствии Христа. В тюрьме я начал записывать свои размышления о Новом Завете, начиная с Евангелия от Матфея и Нагорной Проповеди. Я писал о благой вести Христа и о том, как мы видим в ней свои страдания. Были трудности и опасности, обыски и предупреждения, однако удалось распространить это сочинение. И в последующих поездках по Германии получилось доставить его друзьям, таким образом, противопоставив дух решимости, веры и надежды, данные Христом, гитлеровской пропаганде и террору. То, что Христос дал мне новое дело, новую возможность нести его идеи, казалось мне тогда и кажется сейчас еще одним чудом. До этого мне представлялось, что гитлеровское законодательство и мощь секретной полиции сделали любую работу на благо мира и во имя слова Христова невозможной.

Только ли воображение самого начала всей пропаганды дало таким людям, как я, понимание того, что дух Гитлера не был духом Господа? Почему столь многие, очень умные и ортодоксальные теологические мыслители, ученые, пасторы и главы церквей не распознали зло? Многие служители церкви и прихожане, как либеральные, так и ортодоксальные, сотрудничали со злом, пока зло не выступило против них. Без их помощи Гитлер был бы невозможен. Но они, прежде всего, были почитателями нации и поклонниками оружия, и только после этого - христианами. Христианство было для них доктриной, в высшей степени детально разработанной, очень изысканной, очень традиционной. Но у них не было опыта, в котором живой Христос, Господь воскресший взывает к нам и ставит перед нами задачи на этот день и это время,

исходя из того же духа, в котором наставлял он своих учеников две тысячи лет тому назад.

Две тысячи лет тому назад и сегодняшний день

Великой тайной истории человечества является то, что Вечное созидание говорит с нами в смиренном бедном плотнике из Назарета. Мы знаем о нем немного. Если мы читаем Евангелия, которые являются всего лишь отражением его в умах необразованных людей, его предложения кажутся простыми. Как будто они звучат из уст ребенка. Но затем некоторые из них начинают говорить с нашим разумом, обращаться к нашей ситуации, и тогда они бросают вызов нашей глубинной сущности. Бросая нам вызов, они тем самым возлагают на нас обязательство быть совершенными: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». «Отец ваш?» Вот как эта непостижимая тайна ставит цель перед нами, бедными смертными существами. И все заметнее и заметнее эта высокая цель становится силой, меняющей наши жизни, и мы начинаем открывать для себя, проживать частичку этой созидательной тайны.

Затем мы читаем историю его страданий и смерти на кресте. Как он беспомощен! Он не просит своих последователей защитить его, и поэтому они теряют веру в него и в его дело. Он не пытается бежать или уйти от вражеских ловушек с помощью хитрых уловок, и он не отказывается от миссии, ведущей его к гибели. Он умирает беспомощным, зная только, что идет по пути, предначертанному тем, кто призвал его, чью цель и чью волю он принимает, пусть и не понимая ее.

Весь этот рассказ действительно в высшей степени приводит в замешательство. Но он снова начинает обращаться к нашей ситуации и опять бросает нам вызов. Мы начинаем понимать, что вот простой человек, плотник из Назарета, бросает вызов властям и авторитетам этого мира, этого общества – его времени, нашего времени – всем этим священникам и книжникам, этим проповедникам и ученым, этим цезарям и этим гитлерам со всей их верой в солдат и оружие, в технические выдумки и деньги, во все то, что используется для угнетения. Он бросает вызов нам, бедным смертным, утверждая, что мы можем быть совершенными, чистыми сердцем, алчущими добра,

стремящимися к миру, отрицающими насилие, что мы – такие и есть, а потому можем победить на всей земле. И цель, поставленная перед нами, не для отдельных личностей, а для всего человечества в целом. И будет у нас объединяющая сила, и изменяющая нас любовь, и приведут они нас к созданию общества кротких, и будут они сильнее сильных; общества любящих, которых невозможно будет сломать силой; общества живущих в правде, уничтожающей власть неискренности. Царство Божие будет построено теми, кто может страдать и прощать, и любить, и побеждать зло добром.

Ученики бежали. Их полностью обескуражила его странная пассивность перед мощью врагов его. Что случилось потом – нам точно не известно. До нас дошли разные истории, и ни одна из них не дает нам единую ясную картину произошедшего. Складывается впечатление, что большинство из этих рассказов породил опыт более позднего времени. Но все же мы знаем, что в умах учеников был вызов, что именно он пробуждал их души и изменял их. Они были совершенно уверены в том, что он снова стоял рядом с ними, и что его слово и он сам во плоти встречали их. И такой силы был этот зов, что они видели его и слышали его слова. Видения и галлюцинации? Да. Но из них прорывался живой опыт силы, затрагивавшей и изменяющей их внутреннее существо. Они становились провозвестниками, записывая так хорошо, как только могли, какого рода вызов снизошел на них.

Так же обстоят дела и сейчас. Вызов приходит к тем, кто пытается ухватить смысл жизни, даже находясь посреди уродливого, алчного, корыстолюбивого мира. Смотрите! Вот сегодняшние жалкие людишки, рабы своих страстей – жадности и жажды власти, приводящие в негодность свою собственную внутреннюю чистоту и чистоту тех, кто их окружает. Но смотрите! Вот он, свежий вызов плотника, жившего в созидательной силе Господа и умершего в противостоянии духу этого мира. И так люди постоянно заново переживают воскресение; так вера веками обновляет себя, не через веру во внешние чудеса – никакие легенды о былых чудесах не могут дать веру – но через внутренний опыт силы, живущей сегодня.

Именно так реальность его воскрешения ворвалась в мою жизнь. Она вошла, как ясное сильное чувство защищенности в самый страшный час испытаний и страдания, и сделала меня сильным и подарила мне мир, и способность работать и говорить в радости.

Он стоял передо мною. Он стоит перед человечеством и спрашивает всех нас, спрашивает народы и их лидеров, государственных деятелей и простых людей, намереваются ли они разрушить себя или же отдадутся во власть его мощи и обретут, таким образом, новую жизнь, в которой не алчность и не жажда власти, а любовь станет новой движущей силой.

Железное ярмо

Летом 1947 года я провел шесть недель в Швейцарии, навещая сына, которого не видел двенадцать лет. Впервые с 1932 года я выехал за пределы ошеломленной Германии. Потом я вернулся домой, по-новому глядя на окружающий меня мир. Когда я ехал куда-нибудь в переполненных поездах или трамваях, я с новой остротой видел выражения на лицах окружавших меня людей. Я вижу их сейчас: оскорбленные лица, говорящие: «Как могли такие ужасные вещи случиться со мной, уважаемым законопослушным гражданином?» Жесткие лица, говорящие: «Я снова завоюю все, что потерял. У меня нет времени заботиться о других». Были там и пустые лица, неудовлетворенные глаза вот того мужчины или этой женщины, которые продолжают выполнять свои каждодневные обязанности и зарабатывать на жизнь, но более не видят в этом ни смысла, ни надежды. Были лица непроницаемые, за которыми таятся пагубные секреты, спрятанные от самого себя, но которые не дают человеку спокойно жить. Были лица, как бы говорящие: «Я буду счастлив и всё забуду». Такие лица встречаются все чаще и чаще по мере того, как ситуация улучшается, и по мере того, как все больше людей пытаются начать счастливую жизнь в забвении былых страданий, былого отчаяния. Но разве есть в этом сила, разве есть реальная жизнь в забвении?

Я вижу эти лица сейчас, и иногда среди них замечаю лицо, на котором написано, что этот мужчина, эта женщина преодолели страдание и отчаяние, что за этим лицом скрывается душевное равновесие, совесть спокойная, и все же способная открыться навстречу любви, истине, готовности прийти на помощь. Но когда я вижу все эти лица, то подозреваю, что многие, особенно в Германии, а возможно и в других местах, говорят: «Я оскорблен». Я жажду и молюсь помочь им всем понять одну-единственную вещь: может быть, они

смогут принять свою судьбу, принять свои страдания – не пытаться бежать, уклониться, забыть, спрятаться от самих себя – просто смириться.

Миллионы переживают ужасные страдания. Миллионам пришлось погибнуть, отдать своих сыновей и дочерей, распроститься со своими надеждами на жизнь и будущее. Разве можно пощадить кого-то одного? Разве этот один пожелает пощады? Людям с опустошенными лицами я бы сказал: «Оглянитесь вокруг. Рядом с вами есть мужчина, женщина, ребенок, человек, страдающий так же, как страдаете вы; попытайтесь стать ему товарищем, помогите, если сможете. А если не можете помочь, преисполните душу свою добрыми чувствами, дающими силы. Ведь поступая так, вы преодолеете беспомощность и пустоту, и к вам придет новый смысл. Потому что в этой любви, готовой помочь, вы испытаете власть извечного Господа, меняющую все».

И тем, в чьих глазах прячутся страхи и секреты, я бы сказал: «Смиритесь. Смиритесь и посмотрите, что же вы наделали в недобрый час. Смиритесь с этим и примите вызов того, кто призывает к новой жизни и глубоким изменениям в сердце». Я повторяю это снова и снова, поскольку тут невозможно перестать говорить эти слова. «Смиритесь со своей судьбой, своими страданиями, примите их как зов силы Божией, побуждающий нас критически думать и в счастье, и в страдании, призывающий нас преодолевать зло и страдание в истине и любви».

Тем же из моего собственного народа, кто пытается забыть, я бы сказал: «У нас нет права забывать катастрофу, которую мы обрушили на весь мир и навлекли на самих себя. Забыть означает, что мы никогда не сможем превозмочь свои амбиции, раболепие, любовь к оружию; те трагические предпосылки, лежащие в основе многого в нашей нации, ту роковую преграду на пути к великим возможностям, которыми мы все еще обладаем». Мы находимся в ситуации Иеремии, который сказал своему народу: «Так говорит Господь: ты сокрушил ярмо деревянное, и сделаешь вместо него ярмо железное». Приходится нам носить железное ярмо, и мы должны носить его вместе со всем народом. Все те, кто пытается снять ярмо со своей шеи, только перекладывают его на шеи своих соседей».

Я восставал против зла, которое было в Гитлере. Но я должен нести свою часть страдания моего народа. Я принимаю эту часть, прощая тех представителей собственного народа, кто сделал ношу такой тяжелой, и я прощаю также тех из иных земель, которые сделали ее еще тяжелее, нежели она могла бы быть. Тому, кто знает, что такое прощение, нет нужды забывать. Через прощение в нашу жизнь приходит частица искупающей силы креста. Из страдания и нужды мы создаем братство и мир, и счастье для наших детей и внуков.

А ты, что ты будешь делать? Жить в себялюбии, забывая опыт войны, перекладывая свое бремя на плечи других, создавая антагонизм и ненависть, распри и раздоры, и снова и снова войны? Или же возложишь бремя свое на свои плечи, не спрашивая, кто – ты сам или другие – сделали его таким тяжелым, и превратишь его в крест?

Отчаяние

Зима 1941 года стояла очень суровая. Гитлер был на вершине власти. Франция завоевана, победоносные войска Германии сражались в России. Ко мне подошли двое молодых людей. Иногда они посещали наши молитвенные собрания. Больше я о них ничего не знал. Они пригласили меня пойти с ними. Меня привели в большую столовую в частном доме, где собралось человек двадцать молодых людей – несколько офицеров, несколько солдат, были там и штатские, и женщины. Один из присутствующих сказал: «Все мы были восторженными последователями Гитлера. Мы пошли добровольцами в армию. Сейчас у нас отпуск, а после него нам придется возвращаться в разные места в армию. В последний раз мы встречаемся все вместе, и мы не знаем, увидимся ли снова. Но за то время, что мы провели дома, мы все осознали, что больше не верим Гитлеру. Мы видим, что вся его пропаганда лжива и служит для того, чтобы обманым путем удержать его самого и его партию у власти. И теперь у нас не осталось надежды. Вы можете сказать нам что-нибудь такое, что даст нам надежду?»

Это могло оказаться западной тайной полиции, но говорить было необходимо.

Умная страстная пропаганда воодушевила их до слепого фанатизма, для которого «нация» была наивысшим идеалом, единственной ценностью в этом мире, ради которой стоило умереть. Их научили, и они согласились с тем, что ради нации было правильным лгать, жульничать, убивать. Затем, медленно и страшно, зародилось подозрение, что этот наивысший идеал сам по себе мог быть неправдой, инструментом обмана – ложью, взлелеянной для того, чтобы поддержать силу и себялюбие тех, кто жил во власти и великолепии, тогда как другие шли на смерть.

Беспомощные и опустошенные, эти молодые люди уходили, чтобы сражаться, возможно, и погибнуть. Что я мог сказать им?

«Я не могу дать вам ни надежды, ни веры ради показного величия и счастья», – начал я. – «Мы несемся навстречу катастрофе, грозящей нашей нации, и будет она ужаснее, чем мы можем себе представить». Затем я рассказал им о письме беженца, который описывал свои весьма суровые испытания: «Мы не думали о том, что наш путь окажется таким тяжелым. Но если бы мы могли выбирать снова, мы бы выбрали тот же самый путь».

«Смотрите, какая разница», – сказал я. – «Гитлер и ваше движение добиваются потрясающего успеха, а вы теряете веру и надежду. А здесь беженец в бедственном положении пишет: «Мы бы выбрали тот же самый путь». Для этого человека и его совести нация не есть высшая мера. Он знает, что такое человек и ценность человека. Он знаком с миром истины и справедливости, которые выше человека, и которые человек может реализовать в своей деятельности, а тем самым и во всем человечестве. Он подчиняется зову. И, таким образом, в своем бедственном положении он обретает надежду и веру.

«Этот зов звучит для вас сегодня, здесь, в самом вашем отчаянии. Вам придется пройти через еще более тяжелые испытания. Если вы вернетесь с войны, вы найдете сломленную страну, которая будет исполнена безнадежности и печали, точно так же, как и вы. И тогда встанет вопрос, а есть ли в вашей жизни еще более высокая сила. Принадлежите ли вы к тем, кто в своем эгоизме оплакивают собственные несчастья и нищету, и ищут выход только для себя самих? Или же вы принадлежите к тем, кто видит, как помочь другим, кто понимает, что внешняя власть и армия не нужны для воистину

великих свершений? Если это так, то вам предстоит великая работа, и ваша жизнь наполнится силой и смыслом».

«Может оказаться и так, что не все вернутся, что кто-то погибнет на войне. И если в душе у них были только отчаяние и безнадежность, то получается, что жизнь свою они отдали за пропащую идею. Но если они смогли услышать послание надежды и передать его хотя бы одному другу, находящемуся в состоянии отчаяния, тогда это значит, что в них была Жизнь, и она будет продолжать действовать после них, та часть Вечной Жизни, которую невозможно уничтожить.

«Пребывание в Иисусе бросает вызов той вере в успех, перед которой не устояли миллионы. Вызов брошен этому миру – миру, который ищет спасения и жизни в себялюбии, умничании, во власти и деньгах, роскоши и гордыне».

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Возможно ли счастье?

Когда я наслаждаюсь прекрасными весенними днями или летом – таким, как было у нас в этом году, или когда мне выпадает возможность пожить в счастливой семье с детьми, – я часто думаю о той молодой матери, которая потеряла зимой ребенка, и когда пришла весна, горько причитала: «А мой ребенок не может этого увидеть!»

В мире сегодня миллионы людей, в душе у которых живет этот крик, миллионы тех, которым красота весенней природы и счастье других людей причиняют только ужасную боль, и им становится только тяжелее переносить свое отчаяние. Есть ли у нас право наслаждаться чем-либо, быть счастливыми со своими семьями, когда мы знаем, что миллионы пребывают в отчаянии?

Я не просто утверждаю, что мы можем наслаждаться, я говорю, что мы должны снова обрести волю к наслаждению – но не через забвение того, что потеряли мы сами, или что потеряли другие, и, конечно же, не через забвение своих недостатков и грехов. Существует иной, более убедительный способ.

Было время, когда красота и счастье только усугубляли мое собственное отчаяние и боль. Можно взять, к примеру, весну и лето 1933 года. Детей моих разбросала жизнь, семья моя была разрушена, работа всей жизни уничтожена. Мои друзья были в опасности, кто-то спасался бегством, другие попали в тюрьму, многих убили. Вокруг меня царил триумф идеи, о которой я знал, что это - власть разрушения и несправедливости. Я ненавидел красоту той весны, я избегал смотреть на счастливые семьи и слушать звуки музыки. Спрятавшая свои ужасы за сверкающей жизнью, судьба представлялась вдвое более жестокой.

Но затем пришел опыт присутствия Христа, и он все сильнее и сильнее влиял на все мое естество. А уже из него пришел зов того, кто был счастлив с детьми, кто призывает нас наслаждаться цветами в поле и птицами в небе. Все больше и больше я понимал, что любая радость и любое счастье – великие дары Господа, приветствие от него, демонстрирующее нам частицу той цели, которая будет достигнута, когда любовь и истина восторжествуют на земле. Я все больше и больше ощущал скрытое Присутствие в красоте природы, в живой невинности детей, в радостях и наслаждениях молодежи. Любая радость свята.

Оскверняя то, что должно быть свято, человек приносит в этот мир страдания. Он теряет, а затем полностью уничтожает благоговение перед жизнью, разрушает всякое счастье и реальную радость. Разве мы не в состоянии сохранить все это для себя так, чтобы наше страдание превратилось в средство спасения для других? Возможно, только сейчас мы в состоянии осознать, что такое настоящая радость, только сейчас, наученные горьким страданием, мы видим сокровенную святость. Даже когда мы сами не испытываем радости, мы можем ценить ее в других.

А посему не закрывайте глаза свои на страдания своих соседей. Не опасайтесь, что ваше счастье разрушится, если вы симпатизируете им. Такие переживания тенью входят в вашу жизнь, и в первый момент вам кажется, что вы этого не вынесете, поэтому вы пытаетесь обо всем забыть. Нет. Крепко держитесь за это переживание; примите его в свою жизнь. Свяжите его со своей радостью и счастьем. Все наносное исчезнет, но истинное счастье от семьи, искусства и песни, природы, дружбы и преданности – истинное счастье вырастет и станет более реальным, пока не превратится в ту святость, в которой все эти элементы есть часть присутствия Господа в наших жизнях.

Великая помощь любви

Моя дочь умерла. Ее муж стал беженцем. Мы не знали, где он. Всех моих остальных детей разбросало по свету. Я остался наедине с четырехлетним мальчиком, потерявшим мать. Это было время беспомощной тьмы, из которой меня могло спасти только чудо, о котором я упоминал. Жизнь была настолько полна боли, что даже малейшее счастье казалось грехом. Но что тогда станет с мальчиком? Разве я не должен жить ради него? И если я решил жить ради него, то должен ли я быть дедушкой вечно печальным и бессердечным, сам никогда не испытывающим счастья и не приносящим счастья никому? О, я знал, что ребенок не будет с вами разговаривать, даже рядом не сядет, если не почувствует счастья. Но Бог дал мне любовь к этому мальчику, и я смог ощутить счастье рядом с ним, я становился все более и более счастливым, и через внука смог живо воспринимать радость других людей.

Разве неспособность наслаждаться счастьем других людей не является самым что ни на есть реальным источником ненависти и смятения? Это называется зависть, потому что вы чувствуете успех других людей или красоту их детей, или мир в их доме – или даже ту ценную энергию, посредством которой они пытаются сделать счастливым и вас самих. Непреходящая истина: если мы способны разделить радости и счастье других людей, мы тем самым обнаруживаем важные связи, объединяющие нас с ними. Если же нет, тогда мы отделяемся от них – даже если совершаем чудеса, чтобы помочь им в трудную минуту.

Великое дело – помогать другим, поддерживать их в печали, укреплять их в глубинах страданий: постарайтесь найти человека, которому вы сможете подарить помощь и силу в его жизни. Тогда вам откроется любовь Христа и укрепит вас. То же самое в той же степени, если не сильнее, относится и к разделенной радости. Это произойдет только тогда, когда радость других станет вашей радостью. Как благотворен опыт глубоко страдающего человека, когда он вдруг обретает шанс порадовать ребенка

Когда людям приходится пройти через действительно ужасные невзгоды, когда разрушено нечто в самих основах их жизни, им начинает казаться, что они

живут, накрытые огромной стеклянной чашей. Они видят и слышат других людей, но, кажется, что они отделены от всех сильной болью, которой другие, даже наиболее сочувствующие, сопереживать не в состоянии. Но когда любовь совершает свое великое чудо, тогда она проникает сквозь эту невидимую стену. Вы не забываете о своих потерях, но иногда думаете, что вот сейчас, в первый раз, вы ощущаете сокровенную реальность и красоту радости, ту созидательную мощь, которая рождается из нее.

Так мужчинам и женщинам, борющимся с безжалостными жизненными невзгодами, дается нечто из того очарования, которое имел в виду Иисус, сказав: «Будете как дети». В этом секрет безмятежности стариков, прошедших через жизнь, исполненную печали и тяжёлой работы, и которым, возможно, предстоит еще больше боли и тяжелого труда. Страдание и радость чудесным образом переплетены в этом Божьем мире.

Неужели такое может быть?

С каким отчаянием люди вопрошают: «Как можно любить Господа, когда по-прежнему в мире людском происходит все то, что происходило и ранее – и будет все так же происходить и в будущем?»

И тот же самый мир с той же самой историей кричит мне ясно различным голосом: «Бог есть любовь».

Если Бог есть любовь, а вы ненавидите брата своего, значит, вы живете без Бога. Вы живете без единственной созидательной силы жизни. Зачем же тогда удивляться, что вы живете в мире смерти? Три или четыре тысячи лет тому назад поэт сказал:

Пошлешь дух Твой – создаются.
Скроешь лице Твое – мнутя,
Отнимешь дух их – умирают,
И в персть свою возвращаются.

Когда люди и целые поколения, народы и цивилизации ставят целью жизни своей богатство и власть, угнетение и несправедливость, когда они живут без

любви в алчности и ненависти, они отделяют себя от Бога и возвращаются в персть свою.

Когда для наций и цивилизаций приходят гибельные времена, как сейчас, когда живем мы с вами, тогда по земле проносится поток смерти и ужаса. Это не потому, что Бог далеко, а потому, что человек в своей ненависти и себялюбии не обращается к нему, не обращается к созидательной силе вокруг него, даже в себе самом. Господь требует от нас большего, нежели жизни маленьких, ограниченных, эгоистичных, респектабельных людей, идущих дорогой сребролюбивой традиционной добродетели. Он просит, чтобы мы были сильными честными людьми, дерзающими дарить счастье и жизнь ему и царству его. Он создал человека из животных, подарив ему возможность услышать этот призыв, и до тех пор, пока мы слышим его, мы живем как люди, и сила его живет в нас. Когда же мы перестаем слышать этот зов, мы живем всего лишь в узком пространстве собственного эгоизма. Великие достижения и открытия становятся просто-напросто инструментами этого эгоизма. Ненависть и антагонизм растут. Человек и вся цивилизация начинают умирать мучительной смертью.

В этом присутствует любовь Господа, ведь он поставил перед нами великую цель. Именно поэтому зов любви Господней может ужаснуть человека. Мы должны решить, хотим ли мы пройти через этот кошмар к миру и безмятежности или же отшатнемся от него и окажемся на пути к гибели. Нам придется принимать решение точно так же, как пришлось принимать решение тем, кто распял Христа: либо мы услышим его призыв и обратимся к поиску пути правды, любви и братства, либо мы снова распнем его во всех его страдающих братьях и сестрах – и вернемся в персть свою [в прах свой, – *примечание редактора*].

Христос распят вновь

Иногда мы задумываемся, почему в книгах, письмах и свидетельствах времен Иисуса и сразу же после, нет упоминаний о нем. Для великих людей Рима и Греции происходившее в Галилее и Иерусалиме было приблизительно

тем же, что для наших современников новость о том, что где-то на Юге США в никому неизвестном городишке линчевали негра. Они читают, слегка содрогаются и забывают. Если линчевали бедолагу негра, если в Китае умирает голодный ребенок, или же пьяница, спотыкаясь, бредет по трущобам Филадельфии, или же если богач поддерживает Гитлера, либо подавляет свободу и истину каким-либо другим способом, жертвуя праведностью во имя прибыли, тогда в каждом из этих событий присутствует вызов Христа: сколько же божественного могло быть в твоём брате, в твоей сестре, которых ты убил, заморил голодом, кому ты отказал в образовании и созидательной жизни, или же кого ты утопил в роскоши?

«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне... Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне».

У многих вызов Христа странным образом смешивается с традиционно унаследованной верой, которая по-прежнему сильна. Такие люди пытаются помочь своим страдающим братьям, вступая в борьбу против тех, кто угнетает их. А ведь есть и другие способы попытаться соединить послушание Христу с послушанием традиции. Есть церкви, пытающиеся отчетливо и ясно излагать его послание, и все же опасющиеся, как бы не оскорбить беспечных, благоустроенных и влиятельных. Миллионы смешивают доходящий до них зов с эгоистическим стремлением к еще более комфортному существованию и материальным притязаниям. Но, в то же время, растет число тех, кто, часто трепеща, как апостолы, побуждаемые божественным зовом подняться и бороться, и работать, и говорить, приводят тем самым людей к ясному пониманию стези Христовой, к ясному выбору между ним и традицией, несправедливостью, самообманом и насилием.

Мы должны понимать – все вместе – что мы боремся против него ровно в той мере, в какой мы мешаем братьям нашим отыскивать их собственную созидательную жизнь. И мы понимаем, что мы поддерживаем его – и снова все вместе – ровно в той мере, в какой мы стоим за права других, за понимание и мир, истину и справедливость. И что самое важное – ровно в той мере, в какой мы готовы пожертвовать собственным комфортом и привилегиями ради жизни и прав наших братьев.

Опыт и влияние

Снова и снова люди пытаются рассказать нам разные вещи о Господе: как он поживает и чем занимается, и как он создал мир, и каким образом Христос стал его откровением. Люди собрали вместе рассказы из Библии или прямо из головы, и снова и снова нам приходится признать, что Господь являет собой неизмеримо великую тайну, недоступную нашему пониманию. Он обитает в Свете, к которому не может приблизиться ни один человек. Созидательное таинство мира невозможно понять через рукотворные доктрины и учения. В самую сердцевину истории Господь поставил простого человека, чистосердечного и сильного в истине, и сказал ему, какими мы должны быть, и каким будет человечество.

И за плечами этого человека стоит история, с помощью которой Господь учил народ, как ему прийти к пониманию великой цели, пробужденной во внутреннем существе его пророков и лидеров. И в этой истории Библия рассказывает нам об Аврааме, которому пришлось оставить отчий дом, дабы следовать вышним устремлениям; о Моисее, которому пришлось снять обувь с ног своих; об Исае, который увидел Бога в Храме; об Иезекиле, который увидел Бога при реке Ховаре; обо всех тех пророках и поэтах, кто обличал неправедность и воспевал искупление.

То, каким все эти люди видели Бога, и что могли сказать о нем, есть образ извечной тайны в человеческом разуме. Мы знаем, что они испытали на себе вызов Господа и его призыв к другим людям; мы знаем, что бесконечная реальность богооткровенности ведет к Иисусу.

Следовательно, мы читаем Библию не для того, чтобы придумывать доктрины о Боге или общественные законы, но для того, чтобы вместе с бывшими прежде нас мужчинами и женщинами изведать, как Господь говорил с ними. Мы слышим его послание, и мы слышим, как слово – внушающий трепет вызов – снизошло на них, и как они подчинились, должны были подчиниться, и как слово превратилось в их жизнях во всепоглощающую силу. Нам не нужно дискутировать по поводу доктрин, и нам не нужно спорить – права ли та или

иная церковь, та или иная религия. Все это не имеет значения. Что действительно имеет значение, так это – услышали ли люди слово, и попытались ли они жить в послушании свету истины, надежды и любви, в которых Бог Живой показал себя.

Мне нравится песня «Веди меня, свет благотворный, среди окружающей тьмы». Когда я пою ее, мне кажется, что автор ее стоит перед огнем негасимым и ищет руководства, как я ищу его. Он был кардиналом римской католической церкви. Он стал католиком, потому что не мог обрести мир и покой в своей вере без лежащего в ее основе древнего священного авторитета церкви и своего собственного пережитого ощущения Бога и Христа.

Люди часто мне говорят: «Как вы осмеливаетесь стоять в таком совершенном одиночестве? Нам необходим авторитет Библии и авторитет церкви. Наш собственный опыт, лишенный поддержки, не дает нам силы, достаточной для того, чтобы рисковать собственными жизнями, выбирая трудный путь». Но я вынужден был идти собственной дорогой в одиночестве. Когда я был молодым пастором, Христос показал мне духовную нищету и одиночество рабочего люда в Германии. Эти люди не могли слышать слово Христово, потому что церковь защищала угнетение, под игом которого они страдали. Поэтому мне пришлось выступить против большинства церквей и церковников. Когда я сам впадал в отчаяние и не знал, что делать, живой Христос был со мной и показывал мне мой следующий шаг, тот единственный шаг, который нужно было сделать.

Мне пришлось пройти через много сражений против давления церковной иерархии, традиции и предрассудков. Никакие заявления церкви, никакие объяснения теологов не делали мой путь ясным и понятным. Он сам говорил со мной. Сегодня посланием Бога ко мне стал Иисус из Назарета. Он научил меня принять мой крест; он убедил меня в своем воскрешении; он дал мне силы выстоять в одиночестве. После жизни, исполненной невзгод, одинокой борьбы и затруднений, передо мной встал действительно решающий вопрос: смогу ли я выстоять, когда кажется, что все жизненные устои рушатся, и надвигается неминуемая гибель.

Никто не в состоянии был мне помочь – ни бедный пастор, посещавший меня в тюрьме, ни кто-либо из власть имущих, только Иисус живой. Он помог

мне уяснить, что его целью была истина. Он убедил меня в том, что для меня и моих детей было лучше принять страдание, нежели отказаться от своей совести. И сегодня он снова убеждает меня, когда я в отчаянии иногда вопрошаю: «За что мы страдали, если люди снова делают все неправильно?»

Я не отрицаю, что люди, такие как кардинал Ньюмен, способны найти реальность Света там, где я его не нашел. Я не отрицаю братства с теми, кто следует Христу другими словами и доктринами и чувствует призвание к другим задачам. Но я часто думаю, что очень многие не приходят к осознанию полной реальности Господа, потому что, прежде чем найти ее, они полагаются на авторитеты. Все меняется во время катастрофы. Для миллионов людей традиционные слова и доктрины, и образы Господа теряют свой смысл. И как нам донести до них послание, если мы сами связаны традицией и не можем показать им присутствие Господа таким, каким оно явилось нам, притом в словах, которые способны заставить их осознать его присутствие?

Мы никогда не придем к полной силе в Господе, если мы не признаем греховность нашей жизни. Но для многих хороших христиан вера настолько тесно связана с традицией, что они никоим образом не способны осознать глубокую греховность приверженности обычаям. Над Лютером, к примеру, настолько господствовали унаследованные чувства благоговейного трепета перед властью имущими и знатью, что он так никогда и не понял эгоизма революции князей, разрушившей Германию и превратившей его собственную работу в инструмент порабощения подданных.

Снова и снова церкви последними замечали несправедливость традиции. Капиталистическая организация и техническое развитие принесли с собой растущее благосостояние для миллионов, в то же время, создав рабство для других миллионов. Церкви реагировали всегда очень медленно. От их глаз укрылось, что традиции недостаточно для того, чтобы дать истину и понимание, что еще раз мы должны встать перед Господом один на один и услышать его голос.

Есть миллионы тех, кто исполнен мира и силы потому, что они нашли Господа в традиции и авторитете. Есть миллионы тех, кто живет, не осознавая новых потребностей. Но есть также миллионы тех, кто утратил возможность жить по-старому. Этика прошлого стала для них ложью, законы прошлого –

несправедливостью, а вера – обманом. И есть еще и те, кто видит происходящее, эту нужду, потребность, и кто призван искать новые основы для жизни и работы человека. И к этим людям обращается сегодня Господь со словами: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе».

Он введет их через отчаяние и одиночество, сомнения и ошибки, и даже через грех, беспомощность и тьму. Но он дает им новое видение, новые мысли, новые взгляды и, возможно, власть, с помощью которой вечная истина снова овладеет внутренним миром, сущностью душами миллионов. «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь». После моего выступления в немецком городе ко мне подошел человек лет пятидесяти и сказал: «Я должен поговорить с Вами наедине». Мы отошли с ним в сторону, и он сказал мне со слезами на глазах: «Уже много лет, воскресенье за воскресеньем, я очень хочу пойти в церковь послушать старые гимны и послужить Господу, но для меня это стало невозможным. Когда я подхожу к церкви, я вижу стоящего в дверях военного священника, который был с нами на войне. И я снова слышу те слова, что он говорил нам в 1914 году, когда мы были молодыми людьми, ждущими первой атаки. Он говорил: “Стреляйте в них, бейте их, убивайте их. Вы должны победить в этой атаке”. И я не могу войти в церковь».

Когда этот человек ушел, я спросил, кто он. Мне рассказали, что это - хорошо известный человек, председатель коммунистической партии в той местности. В тот момент я понял, что живой Христос стоял за этим человеком, когда он говорил со мною, и что в этом человеке живет вызов всем последователям Христа. Вот человек, который не может войти в церковь, не может поклоняться Господу, потому что между ним и церковью – воинственный клич христианского пастора.

Он – один из тех миллионов, кто не может расслышать послание. Этот человек, жаждущий приобщиться к вечному, пошел в коммунистическую партию. Он стремится к миру справедливости и порядка. Он живет в мире ненависти, привилегий и угнетения. Коммунистическая партия громким голосом сулит ему мир справедливости, спокойствия и любви, в котором собственность и экономические антагонизмы больше не будут натравливать людей друг на друга. Он помнит слова Христа, что насилие и ненависть неправедны. Но в то же время он видит, что христиане готовятся к войне, чтобы защитить свои

привилегии и господство. И тогда, возможно с печалью в сердце, он слышит и от христианских пасторов и от коммунистических лидеров одинаковое безнадежное учение: человек – это такое ничтожество, такой грешник, такой корыстолюбивый, что никогда не будут преодолены его страсти. Он всегда будет бороться, прежде чем откажется от господства, привилегий, националистических амбиций.

С обеих сторон – все та же проповедь отчаяния: в этом мире необходимо сражаться, сражаться, даже за самые высокие цели. Христиане верят, что у них есть не просто право, а даже и обязанность использовать такие вещи, как атомная бомба, ради претворения в жизнь идеалов. А угнетенные массы делают из этого вывод, что у них есть не просто право, а даже и обязанность бороться точно так же за свои идеалы. И всех их настолько сильно подавляет предшествующий неудачный опыт общения с другими людьми, они настолько поглощены недоверием, что не способны увидеть в своем оппоненте человека – человека, у которого не было бы идеалов и стремления к любви и братству, если бы в самой сокровенной глубине его души не жил бы образ Божий. Такие люди не решаются доверять силе Бога. У них не хватает смелости говорить с Богом в человеке в душе другого человека, с Богом в душах своих противников. Вот почему беспомощны все их попытки одолеть ненависть.

Недоверие к человеку лежит в основе видимой истории человечества. Ход истории ясно демонстрирует, что человек яростно защищает привилегии и столь же яростно стремится освободиться от угнетения. Но разве для христианина это может быть реальностью человечества и истории? Из уст этого коммуниста я слышу крик Иисуса. Я слышу этот вызов ото всех беспомощных мужчин и женщин, которые не видят для себя иного выхода, кроме как насилие и борьбу. Но еще большую опасность вижу я, когда такие беспомощные, лишенные веры люди называют себя христианами. Иисус не просил своих последователей бороться за себя. Он не просил своего небесного Отца послать ему двенадцать легионов ангелов. Он взшел на крест и принял страдание, убежденный в том, что мученическая любовь – всепобеждающая в мире. И, несмотря на это, христианство идентифицирует себя с той или иной противодействующей силой, не ища справедливости, но следуя традиции.

Давайте же будем вслушиваться в призыв Христа. На пути, который он указывает, можно столкнуться с тяжелым разочарованием и горькими муками.

Он никогда не обещал быстрой или легкой победы. Только через собственные страдания мы можем преодолеть предрассудки, воспитанные в миллионах людей неспособностью христиан соответствовать своему времени. Махатма Ганди вел великую нацию по пути истины и пришел к великому созидательному успеху. Когда же христианское сознание обретет силу, достаточную для того, чтобы объединить всех тех, кто называет себя последователями Иисуса в деле строительства мира братства? Когда же мы устыдимся называть христианами тех, кто доверяет мечу?

Реален ли Господь? Реальны ли мы?

Много было хороших христиан, а среди них и пасторов, и церковных лидеров – которые говорили мне, когда Гитлер пришел к власти: «Я не могу потерять свое положение, потому что я должен заботиться о своих детях, а им нужно продолжать образование». Или же они говорили: «Мой сын не может отказаться от своей профессии. Он должен говорить “Хайль Гитлер”». Что он будет делать, если потеряет работу?» Все они полагали, что материальный мир важнее сознания. Что было для них Богом? У них было представление о Боге, но реальность, которой они доверили свои жизни, заключалась в деньгах и добывании денег.

Я говорю о Германии. Сейчас многие хорошие христиане, пасторы и церковные лидеры в своих проповедях, статьях и памфлетах оправдывают себя и свою нацию. Из истории они выуживают злодеяния других и указывают на каждую ошибку и несправедливость, допущенную другими народами. «Вот смотрите», – говорят они, – «они ничуть не лучше нас». Говоря об ужасной вине, которую немецкая нация навлекла на себя в прошлом столетии, они смотрят на других и сравнивают себя с ними. Они не предстают перед Богом, и они не пытаются привести свою нацию к предстоянию перед Богом. Мне кажется, что одной из важнейших задач христианства в Германии является необходимость привести народ к пониманию реальности Бога. Если Бог есть реальность, тогда я знаю, что никогда не найду путей праведных в будущем, не найду ни счастья, ни силы, пока не обрету его прощение и дух его, чтобы начать все сначала.

До тех пор, пока Бог остается концепцией, в которую мы верим чисто умозрительно, а тем временем в реальной жизни нашей основной целью по-прежнему является зарабатывание денег и завоевание влияния и власти, мы никогда не преодолеем внутренней слабости – раболепия. И мы никогда не преодолеем внешней слабости – национализма, до тех пор, пока для нас более важным делом будет защита чести нации от обвинений, нежели обретение истинной связи с Богом в нашем сознании. И очень вероятно, что то, что истинно для Германии, подходит и для всего человечества.

Когда мы задумываемся о будущем наших народов, доверимся ли мы Господу, или оружию и армиям и всем хитроумным изобретениям, не имеющим с ним ничего общего? Реален ли он для нас вообще, если сталкиваясь с серьезными жизненными вопросами, мы не верим в него? Что это значит – уповать на Бога? Я полагаю, это означает, что мы пребываем в уверенности, что духовная сила есть драгоценная основа жизни. Это означает, что мы – и нация в целом, и отдельные личности, призваны к выполнению величайшей задачи – отдать наши жизни и получить жизнь и власть, способные преодолеть недоверие, ненависть и трусость.

Мы оглядываемся на тех, кто уничтожен катастрофой, на тех, кто не смог продолжить свою жизнь, кто отдал жизнь потому, что не смог подчиниться тому, что шло вопреки их совести. Они отдали свои жизни потому, что услышали зов Христа. Они должны были подчиниться. Нечто от его бессмертия жило в них и навсегда сделало их его соратниками, пусть даже сейчас мы не способны этого понять.

На данный момент, когда наступает внешнее улучшение, вина и страдания ревностно предаются забвению. Кажется, что к власти снова приходят ничтожные и пустые люди, словно народы вновь готовы пройти путь к преходящей власти и успеху. И если не только отдельные личности, но и целые народы выйдут из катастрофы такими же ничтожными и опустошенными духовно, как и прежде, наступит абсолютная темнота.

Но зов Христа живого слышен за катастрофой, он в ней, рядом с ней и звучит сквозь нее. Мы должны были страдать и рисковать своими жизнями, и мы снова должны страдать и рисковать своими жизнями в противостоянии еще большей катастрофе. Но слыша его голос, слыша его посреди краха, подчиняясь

его голосу, выполняя свою задачу в страдании, в забвении самих себя, и становясь его орудием – таким образом мы становимся настоящими. Его победа приходит в наши жизни потому, что мы стараемся выполнять его работу. Вечность входит в наши жизни, преодолевая страх и ненависть, и дает нам это возвышенное откровение: мы – Христовы соратники на земле, объединенные с ним в его извечной сущности.

